

Сладкая доля

Моя бабуся всегда энергична, полна сил и никогда не теряет присутствия духа

МОЯ БАБУШКА – необыкновенный человек. Именно так, и никак иначе. Ей восемьдесят восемь, а она не только в здравом уме и трезвой памяти, но и ежедневно мотается по рынку, готовит нам вкуснейшие обеды и даже подметает полы. Стирать перестала всего лишь несколько лет назад.

Я ни разу не видела бабушку растрепанной или в измятом платье, не помню ее в слезах, и даже в сильном гневе голос ее ровен и спокоен, а спина – пряма и несгибаема. Бабушка пережила войну, вырастила троих детей, у нее уже шесть внуков и три правнука. Одного ее сына и дочери уже нет на свете, а она вот живет нам на радость. И, дай бог, еще протянет. Строго говоря, она не бабушка мне, а прабабушка, ее старшая внучка Анна – моя мама. Но я зову ее бабусей, и она любит меня, кажется, больше всех остальных.

Несмотря на преклонный возраст, бабуся всегда энергична, полна сил и никогда не теряет присутствия духа. Любимое выражение ее – «ничего страшного». Именно так она сказала в тот день, когда пришло ей извещение. Я тогда вернулась из института раньше обычного и застала маму заплаканной. Бабуся сидела на диване, выпрямившись, сложив руки на коленях, что бывало очень редко, руки ее всегда заняты – если не вязанием, так шитьем, если не готовкой, то утюжкой. Но в этот раз именно эти сложенные на коленях узловатые руки испугали меня.

– Баб! Что случилось? – спросила я с порога.
– Ничего страшного, Сонюшка, – как всегда, ответила бабуся.
– Повестка пришла, – все еще дрожащим голосом объяснила мама.
Мама у меня – большая трусиха. Она делает проблему из ничего и умудряется споткнуться на ровном месте. Даже удивительно, как она умудрилась жизнь прожить, двоих детей родить... Впрочем, с бабусиной помощью – а живет прабабка с нами – горы свернуть можно. А вот я, как говорят все в семье, больше похожа на бабуся, чем и горжусь немаю.

Выяснилось, что повестка эта – всего лишь извещение, вызов в учреждение с грозной аббревиатурой МВД. Дело все в том, что прадед мой, бабусин муж, – репрессированный. Несколько лет назад, когда начались пересмотры всех этих сталинских «дел», мама тайком куда-то писала, в какие-то не то архивы, не то комитеты, прося о реабилитации Валуева Сергея Михайловича, осужденного по статье 58, параграф не помню какой, в 1941 году. Тайком – потому что бабуся запретила ей делать это. И теперь, видимо, у этих «архивов» руки-таки до прадеда дошли.

Я сразу оценила ситуацию. Явиться по извещению нужно бабусе. А она идти отказывается. Да еще и маме выговаривает – зачем, мол? Вот хоть убейте, не понимаю, отчего прабабка так против реабилитации мужа. Ведь каждому ясно, что сидел, как и тысячи тогда, без вины. А она – не ходите, не пишите, все равно человека не вернуть, а трепать его память не позволю. Я бабуся люблю, но сколько же у нее упрямства! Наши с мамой уговоры ей как мертвому припарки. «Не пойдю» – и все тут. И только когда я заявила, что приду туда сама и скажу: мол, не в уме бабка, я за нее, – бабуся неожиданно согласилась. Посмотрела на меня особенным своим взглядом – аж мурашки по коже, – но спорить не стала. Кивнула величественно и ушла на кухню. Загрела посудой, и вскоре донесла до нас запах булочки с корицей. Все ясно – переживает бабуся. Она, когда чем-то расстроена, всегда эти булочки печет.

– Сонюшка, – робко попросила меня мама, – иди завтра с ней. Мало ли что...

Я кивнула. Действительно, мало ли что. Разволнуется или еще что – возраст ведь. У меня завтра первые три пары – лекции, пропущу, не впервой...

Ночью я долго не могла уснуть, ворочалась. Всплыли обрывочные детские воспоминания, пересуды соседок, мамыны рассказы. Прабабушка моя, Галина Александровна – женщина судьбы обычной для того времени. Она – ровесница революции, как модно было тогда говорить. Ну, и крестница ее, не без того. Коренная москвичка, рабочая косточка, дочка слесаря, вышла замуж в тридцать шестом, да так удачно – молодой преподаватель Сергей Валуев не только любил ее без памяти, но и подавал надежды в научном плане, собрался защищать диссертацию. Живи да радуйся... Они и радовались, пока Сергея не арестовали – перед самой войной. Бабка осталась с тремя детьми на руках, а через три месяца – уже военной дорогой – их выслали в эту вот зауральскую глухомань. Всю жизнь Галина проработала медсестрой, детей на ноги поставила и каждому из троих высшее образование дала, потом внуков нянчить помогла...

Что говорить – такие вот скучные строки автобиографии может написать о себе едва ли не каждая женщина,

Ее любимое выражение – «ничего страшного»

но белым, и я рванулась к ней, выдирая из кармана джинсов валидол. Лейтенант меж тем говорил что-то о какой-то компенсации, называя сумму и протягивал бабусе квитанцию, бумагу, еще что-то...
– Вы можете получить деньги в комнате номер три по этому ордеру...
– Компенсация, – странным, не своим, мертвым голосом сказала бабуся. – Компенсация...
Она взяла из рук лейтенанта квитанцию и пару секунд сжимала ее в лонких пальцах. Потом отстранила меня, снова повторила, уже громче:
– Компенсация...
Резким, размахистым движением разорвала она квитанцию и кинула ее на стол. Сказала почти беззвучно:
– Сволочи...
И, не замечая меня, пошла к выходу.
Я кинулась за ней, отдирая зубами крышечку от флакона с валидолом. Но, вылетая из двери, успела услышать, как грохнул по столу лейтенант и яростно заорал:
– Да, вашу мать, я-то здесь при чем?! Меня тогда на свете не было!
«Зело парня – видно, не впервой ему такое говорят», – отчего-то с сожалением подумала я машинально, сбегая по лестнице. Догнала я бабуся только у выхода.
Мы шли молча, и я едва успевала за быстрыми бабушкиными шагами. Через пару кварталов я взмолилась:
– Баб, давай посидим. жарко же...
Бабуся глубоко вздохнула и замедлила шаг. Огляделась, словно впервые видела эту заросшую тополями улицу. А потом посмотрела на меня и тихо-тихо попросила:
– Сонюшка... давай в церковь зайдем, а?

тебя постучала и после короткого «да-да» дернула на себя ручку двери.

Ничего такого страшного в этой комнате не было. Стол, четыре стула, молоденький лейтенант, согнувшийся над кипой бумаг. Да, я умею разбирать воинские звания, меня брат научил. Он оказался даже вжив, этот человек в форме – встал при нашем появлении, предложил сесть и только после этого осторожно вынул из папьев бабки слегка помятое извещение. А я отошла к окну. Здесь – не мое дело. Пока лейтенант рылся в толстой папке, я пристально смотрела на бабуся. Она сидела с таким суровым видом, что на минутку мне показалось – сейчас начнет отчитывать этого молоденького парня, как нашкодившего мальчишку. Губы ее беззвучно шевелились, а взгляд был неподвижен.

Лейтенант нашел наконец нужный листок, вынул его из папки, несколько секунд вчитываясь в него, словно буквы не мог различить. Потом поднял глаза на бабуся:
– Сергей Михайлович Валуев, – спросил он, – 1912 года рождения?

– Да, – строго сказала бабушка.
– Место жительства до применения репрессии – Москва?

– Да, – сказала бабушка.
Лейтенант спрашивал ее о чем-то еще, называл какие-то статьи и пункты указов – я не слушала. Отвела взгляд в окно и задумалась – до оцепенения. Солнечные лучи металась по полу, воробы за стеклом дрались за хлебную корку. Я рассматривала эту комнату и пыталась представить – себя в ней, арестованную. Вот если бы я тогда... А потом украдкой скрестила пальцы – протрени, господи, избавь меня от такой участи.

Лейтенант вынул из ящика стола какие-то бумаги и заполненную квитанцию. Потом откашлялся, встал и одернул форму. И, словно робот, четко, официально и равнодушно проговорил:
– На основании статьи третьей закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 1991 г. Валуев Сергей Михайлович, осужденный пятого мая тысяча девятьсот сорок первого года, мера наказания – расстрел, реабилитирован.

Я вздрогнула и, вынырнув из потока мыслей, посмотрела на бабуся. Лицо ее было совершенно белым, и я рванулась к ней, выдирая из кармана джинсов валидол. Лейтенант меж тем говорил что-то о какой-то компенсации, называя сумму и протягивал бабусе квитанцию, бумагу, еще что-то...

– Вы можете получить деньги в комнате номер три по этому ордеру...
– Компенсация, – странным, не своим, мертвым голосом сказала бабуся. – Компенсация...
Она взяла из рук лейтенанта квитанцию и пару секунд сжимала ее в лонких пальцах. Потом отстранила меня, снова повторила, уже громче:
– Компенсация...
Резким, размахистым движением разорвала она квитанцию и кинула ее на стол. Сказала почти беззвучно:
– Сволочи...
И, не замечая меня, пошла к выходу.
Я кинулась за ней, отдирая зубами крышечку от флакона с валидолом. Но, вылетая из двери, успела услышать, как грохнул по столу лейтенант и яростно заорал:
– Да, вашу мать, я-то здесь при чем?! Меня тогда на свете не было!

«Зело парня – видно, не впервой ему такое говорят», – отчего-то с сожалением подумала я машинально, сбегая по лестнице. Догнала я бабуся только у выхода.
Мы шли молча, и я едва успевала за быстрыми бабушкиными шагами. Через пару кварталов я взмолилась:
– Баб, давай посидим. жарко же...
Бабуся глубоко вздохнула и замедлила шаг. Огляделась, словно впервые видела эту заросшую тополями улицу. А потом посмотрела на меня и тихо-тихо попросила:
– Сонюшка... давай в церковь зайдем, а?

Я едва не упала там же, где и шла. Прабабушка моя – атеистка-безбожница – с Создателем была в отношениях очень сложных. Она, конечно, признавала, что «есть где-то что-то», но до нормальной веры этому было, как до Луны. Никогда не молилась, слова «О Боже!» произносила в минуты сильных переживаний исключительно как фразеологизм и всегда полагалась только на собственные силы. И вдруг – нате вам. Я взяла ее под руку, прижалась к ней – маленькой, сморщенной. Сказала так же тихо:
– Пойдем, ба...

А когда купол с золоченым крестом укрыл нас от солнца своей прохладной тенью, бабушка вдруг задержала меня.
– Погоди-ка... Давай-ка посидим вот тут, я тебе что скажу...
Я послушно усидела ее на скамью недалеко от входа. Она долго шевелила губами, словно не решаясь, словно не зная, с чего начать. А потом зашептала – так тихо, что я наклонялась к самым ее губам, чтобы разобрать...
– Пожениться мы... в тридцать шестом. Хорошо жили, хоть и бедно. Наденька родилась... А в тридцать девятом его арестовали...

«Его – это прадеда», – догадалась я. Наденькой была моя, ныне покойная уже, бабка.
– Арестовали... а потом выпустили – прямо через три месяца. Тогда такое редкость было – даже если не виноват, все равно назада дороги не было. А Сережу выпустили. И жить стали мы лучше... ему доплачивали за что-то – говорил, на кафедре полставки взял дополнительно, вещи мы новые стали покупать. Защитился, степень получил. Коленка родился, потом Алешка. А в сорок первом, в марте месяце, снова забрали. Алешке тогда два месяца было. У них в институте скандал случился, профессор один... шпионом оказался. Сережин научный руководитель... завкафедрой или как там у них. Я думала – по этому делу и Сережу притянули. Там полкафедрой попересажали... В июне его расстреляли... восемнадцатого. Кабы не дети – руки бы на себя наложила, так я любила его... и сейчас люблю...

Бабушка замолчала, но я не смела торопить ее. Глядела, потрясенная, – по щекам ее, впадым, морщинистым, впервые на моей памяти текли слезы.
– А потом, уже при Хрущеве, здесь мне знакомый наш встретился московский, Пантелей. Сережин друг, работал с ним вместе. Он мне и рассказал.
Она опять замолчала, передыхая.
– Сережа мой тогда... когда первый раз его взяли... В общем, его потому выпустили, что он доносчиком стать согласился. Как тогда говорили – осведомителем. Об этом один Пантелей знал, никто больше... кроме них. То ли убедили его, то ли... уломали... не знаю. А может, испугался за нас... за меня, за Наденьку. Так два года и работал на них. А потом, когда заставили его на профессора донос написать, – отказался. Пантелей мне тогда сказал: «Есть предел человеческой подлости». Профессор-то, Павел Иванович, Сереженке много добра сделал – и с диссертацией помогать, и потом. Сережа на него едва не молилась. Вот и...

Бабушка посмотрела на меня.
– Никому не говорила об этом. И против всяких реабилитаций была. Мужа мне этими справками не вернуть, а если б вскрылось все... зачем вам такая память? И тебе бы не сказала, да, чую, умирать мне скоро. Прости ты меня, Сонюшка... Тебе решать теперь, тебе судить. А лучше – не суди. Не суди. Не понять вам, не увидеть, как мы тогда жили...
Голос ее прервался.
Я схватила бабушкины ладони и стала покрывать их поцелуями. Она сидела все такая же – прямая и строгая. А потом сказала:
– Иди теперь... Домой иди. А я зайду... Помолось за него, окаянного, любимого. Некрещеная я, ну да Богу все равно – услышит, должен услышать. А ты иди...
Она встала и, не оглядываясь, пошла к церкви. Я а сидела на скамейке и смотрела ей вслед.
Она будет рассказывать Богу о своем муже. А я подожду ее. Пусть это будет даже очень долго. Впрочем, вряд ли долго – Бог поймет ее, должен понять с полуслова. Иначе где взять ей силы? ☹

> ПОЭЗИЯ

«От ответа к ответу – сомнения...»

СЕРГЕЙ БРЫКОВ, студент факультета экономики и права МГТУ им. Г. И. Носова. Стихи пишет с 16 лет. Перед вами первая публикация стихов Сергея – его литературный дебют.

*Любить – не обдумывать дважды,
Только сказанное вскользь – важно.*

*Горы, неба коснувшись, дышат,
Только то, что прекрасно – выше.*

*Нас спасет в этом мире нежность,
Только в капле мгновения – вечность.*

*Мимолетные мысли легки,
Только то, что на сердце, – стихи.*

Academia

*Пусть великое будет неназванным,
Кульминацией речи – молчание,
Равнодушие будет наказано,
В каждой мысли – любовь и страдание,
Напряженность и поиск – в несказанном,
В совокупности все это – знание.*

*Пусть ошибки не будут напрасными,
И из пепла иды между урнами
К жестой розе прибавится красная,
Тишине быть предчувствием бурного,
Из стремлений сильней всех – в несказанном,
Из начал самым главным – культурное.*

*Пусть в основе гигантского – малое,
От ответа к ответу – сомнения,
Не доля на «сейчас» и на «старое»
И сматнув паутину забвения,
Между сводами – вьвьсь, между залами
Пронесется: «Vivat Academia!»*

*Последний час весны. Тепло и сухо.
Огромный город, уходящий в ночь.
Мелодия слегка коснется слуха
И тут же тенью ускользает прочь.*

*Они домов, витрин, большой рекламы.
Фонтан с подсветкой. Дальний шум машин.
Обрывок не законченной драмы
Скрывает воздуха помятый крепдешин.*

*Живу я, от нежности сердце очистив,
Как осенью сад очищают от листьев,
Из повести дней вырывая страницы,
Забыв о друзьях, перепутав их лица.
Боюсь, что когда-нибудь я не смогу
Заметить монетки льны на снегу,
Боюсь, что в клиентке уже не сумею
Увидеть еще и прекрасную фею.
Боюсь, что пройду мимо ярких картин,
Боюсь не бояться, что буду один.
Боюсь, что пустое пространство квартиры
Прожжет в моем мнимом спокойствии дыры.
Боюсь, что уже никогда не скажу
Того, что я чувствую, чем я быщу.
Боюсь, что поток непрерывных событий
Уже из щеры не позволит мне выйти.*

Ностальгия

*Незнакомый квартал из проема
Не закрытого на ночь окна.
Дальний образ, лишающий сна:
Силуэт на веранде у дома.*

*Столько лет... Но со мной все – равно
Голоса, толпы я вот не с ним.
Кто-то падает замертво в Риме,
Не допив из бокала вино.*

*И теперь уж не так далеки
От меня эти милые тени.
И последний оставшийся сеней
Где-то пишет печально стихи.*

Фильмы

*Кустурица. Хейфиц. Феллини.
Лишенные всякой надежды
Непечные коды мира,
Того, где смакуют мартини
И рвут дорожке одежки
Герои сердец и эфира.*

*Где хочется плакать, но слезы,
Как данное Богом прощенье,
Прошедшее мимо просящих,
Не падают. Дятлы нарковы
Желающих видеть спасенье
В придуманной жизни. И стлещих*

*В реальности – серой и скучной,
Ко сну прибавляющей «вещицы»,
Отвергшей иллюзию чуда,
Где из не ручной, но подручной
Матери лягутся вещи,
И схожи любовь и простуда.*

*Рутиня не советует рутину,
До выдумки явь не дозреть –
Всех тянет к экрану, в экраны –
Им там обещали причину
Того, что причин не имеет.
Тарковский. Ханжонков. Китано.*

*Спокойствие необычайно,
Как если бы всего достиг,
Как будто все понято, зримо,
Как будто я уже старик.*

*Как если б штрих – последний, точный
Уже проставлен на холсте,
Как будто тихий сон полный
Уже блуждает в пустоте.*

*Как если бы проплыли мимо
Мерцания дальних городов.
Спокойствие необычайно,
Как смерть или рождение слов.*

*Безлюдны парки. Улицы знакомой
Уводит в пустоту крутой изгиб.
Луна лежит ракушкой невесомой,
И проплывают мимо стаи рыб.*

*Так пахнут распустившиеся сиренью
Нашите татарам дворцы!
И холод предан вечному забвению,
И соделались все правила стары.*

*Мир – сто дорог. Чего мы так боимся?
Когда закончит время свой отсчет,
Продлится жизнь. И мы опять продлимся,
Вновь ничего не зная оперед.*

АЛИНА ЧИНОЧИНА